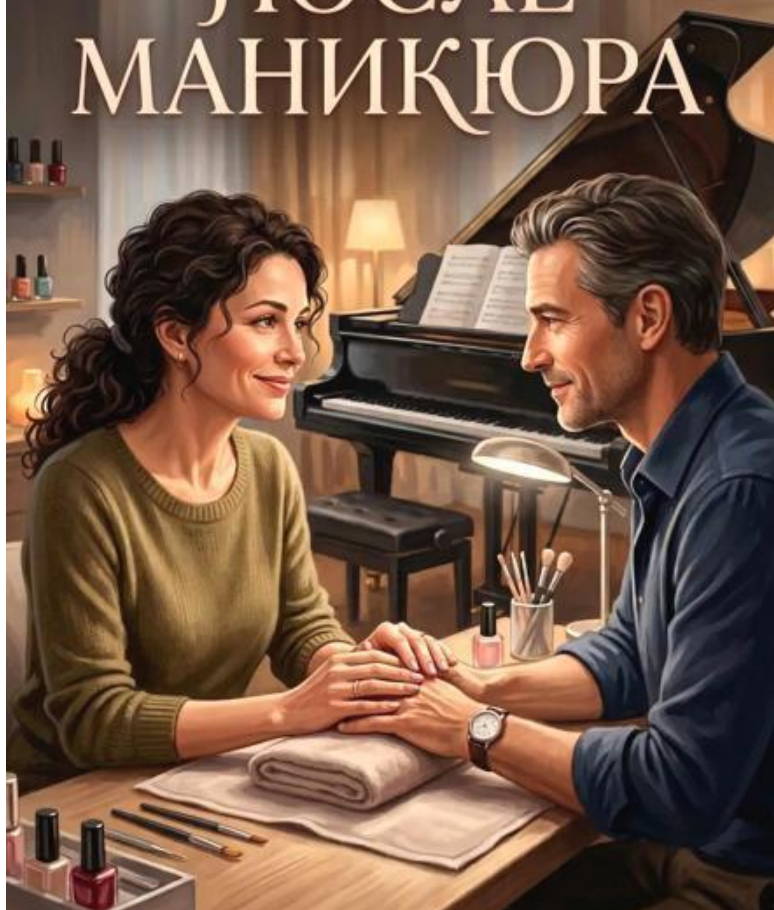

БЕЛЛА ВАЙС

ПОСЛЕ МАНИКЮРА

Белла Вайс

После маникюра

<https://litres.ru/74208283>

Аннотация

Она — бывший врач, а теперь маникюрша с депрессией и рыжим котом. Он — пианист, который приходит к ней сделать маникюр. А затем еще раз, и еще...

История о том, как робкий пианист и бывший реаниматолог нашли друг друга, и что счастье приходит, когда его совсем не ждёшь.

Смешно, тепло и с хеппи-эндом. :)

Содержание

— 1 —	4
— 2 —	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анне Сергеевне Соболевой было сорок лет, и она точно знала, что жизнь — это череда проблем, в конце которой тебя ждёт не пенсия мечты, а неоплаченная ипотека, пустая банковская карта и кот, который смотрит на тебя с тем же выражением лица, что и бывший муж, хотя мужа-то как раз и не было. Зато был кот. Крупный, рыжий, с наглой мордой и именем Паштет, данным в честь того, что однажды в малом возрасте он действительно сожрал паштет, оставленный без присмотра на кухонном столе, и с тех пор считал себя вправе претендовать на всё содержимое холодильника.

Квартира, в которой Анна жила вместе с Паштетом, была старой, добротной «трёшкой» в районе, который когда-то называли престижным, потом — «с историей», а теперь риелторы деликатно именовали «кварталом с прошедшим через реновацию». Характер у квартала был мрачный, а лицо слегка облупившееся и покосившееся, но живое. Квартира досталась Анне от родителей, и это было единственное наследство, которое она не умудрилась испортить. В отличие от собственной жизни.

Когда-то давно, в другой, параллельной вселенной, Анна была не маникюршей в крошечном салоне «Ноготок» на первом этаже соседнего дома, а врачом-реаниматологом в городской больнице номер двенадцать. Она спасала людей. По

крайней мере пыталась. Большинство попыток были успешными, но однажды не получилось... Она навсегда запомнила того пациента — молодого парня двадцати трёх лет, которого привезли после аварии, и которого она, Анна, не смогла вытащить, хотя должна была и могла. Коллеги потом говорили — «шансов не было», но внутренняя комиссия решила иначе, и газеты написали, и родители парня кричали ей в лицо такие слова, которые до сих пор иногда всплывали в памяти в три часа ночи, а следом возникал холодный пот и начинали трястись руки.

После этого Анна уволилась. Получилось не совсем сразу — сначала был месяц больничного, потом два месяца отпуска за свой счёт, потом попытка вернуться, закончившаяся панической атакой прямо в приемном покое. Потом — увольнение по собственному желанию и полгода, проведённые в позе эмбриона под одеялом, вставая только для того, чтобы сходить в туалет и дать Паштету еды.

Потом была депрессия. Настоящая, клиническая, с таблетками и психотерапевтом по имени Лев Борисович, который носил смешные очки в бордовой оправе и говорил: «Анечка, вы не виноваты. Вы сделали всё, что могли. Иногда Вселенная забирает людей, и мы ничего не можем с этим поделать». Анна кивала, плакала, забирала рецепт на антидепрессанты и шла домой, где Паштет уже успевал съесть то, что она положила в его миску.

Работать врачом она больше не смогла. Даже слово «боль-

ница» вызывало тошноту и учащенное сердцебиение. Нужно было на что-то жить, хорошо хоть была крыша над головой и старый матрас на кровати под попой. Но «коммуналка», еда и кошачий корм премиум-класса, потому что Паштет демонстративно игнорировал всё, что стоило дешевле пятисот рублей за килограмм, требовали денег.

И тогда она вспомнила, что в медицинском институте, на третьем курсе, они с девчонками подрабатывали — делали маникюр. Тогда это было просто баловство, способ заработать на пищу и приятные женские пустяки. Но Анна неожиданно оказалась хороша. У неё были твёрдые руки, острый глаз и то самое чувство прекрасного, которое позволяло превратить десять ногтей в произведение искусства, даже если клиентка просила «просто красненький».

Она окончила курсы, получила сертификат, купила лампу, набор гелей, пилочку, бафов, фрез и всего того арсенала инструментов, который превращает обычного человека в мастера ногтевого сервиса, и устроилась в «Ноготок». Хозяйка салона, прижимистая до крайности женщина по имени Римма, посмотрела на Анну с сомнением, но взяла. Текучка в ее салоне была адская, мастера уходили в декрет, уезжали к морю или просто исчезали, оставляя за собой долги и недовольных клиенток.

Так Анна Сергеевна Соболева, бывший врач-реаниматолог, стала Аней-маникюршей. И, как ни странно, это было самое мирное и спокойное время в её жизни. Никто не уми-

рал у неё на руках. Максимум — слоился гель-лак на безымянном пальце или ломался ноготь.

Романов у Анны не было давно. Последний, случившийся года три назад, был мужчина по имени Олег — владелец небольшой фирмы по установке кондиционеров. Он сначала казался надёжным и основательным, а потом оказался патологическим ревнивцем с привычкой проверять её телефон и соц-сети. Скандал случился эпический. Олег закатил истерику из-за того, что Анна поставила «лайк» на фотографию своего знакомого, мужа главной медсестры больницы, в которой она работала. Олег тогда швырнул её телефон в стену. Телефон, кстати, уцелел. Это была старая «флагманская» модель известной линейки Самсунга, который ей подарил ее покойный отец. Она не меняла телефон, он был ей дорог как память, к тому же она считала, что телефон «способен пережить ядерную войну», так надёжно он был сделан. А вот ее отношения — оказалось, что нет.

После Олега были ещё пара попыток, обе закончились примерно на третьем свидании, когда выяснялось, что мужчины в районе сорока лет либо ищут женщину-функцию для комфортной жизни, либо всё ещё не развелись с первой женой, либо, это самый экзотический вариант, живут с мамой и не планируют ничего менять.

Анна плюнула. Купила удобное кресло, начала смотреть сериалы. Подсела на дорамы про корейских принцев, которые влюбляются в обычных девушек, и это было её тайной,

постыдной радостью, о которой не знал никто, включая Льва Борисовича. Ей казалось, что, если она расскажет психотерапевту о том, что рыдает над двадцатой серией «Истории девятихвостого лиса», он как-то иначе на неё посмотрит и, возможно, выпишет другие таблетки.

Так и текла её жизнь — ровно, спокойно и без всплесков. Анна вставала в восемь, кормила Паштета, пила кофе с бутербродом, шла на работу к десяти, возвращалась в восемь, ужинала, смотрела сериал, ложилась спать. Выходные проводила в пижаме. Иногда выбиралась в магазин. Два раза в месяц — к Льву Борисовичу, который теперь говорил: «Анечка, у вас заметная положительная динамика. Но вам не хватает... как бы это сказать... жизни. Вы законсервировались».

Анна отшучивалась, что консервы — это надёжно. Консервы не портятся. Они могут лежать на полке годами, даже банка не заржавеет. Лев Борисович вздыхал и поправлял бордовые очки.

А потом, в один совершенно обычный вторник, всё пошло кувырком.

Вторник был дождливым. Анне всегда казалось, что в такие дни чаще происходит что-то необычное. Не то чтобы она была суеверной, но, проработав десять лет в реанимации, она знала: странные вещи случаются именно тогда, когда погода максимально неудобная для людей. В ясные и солнечные дни по ее личной статистике сложные случаи в реанимации бывали гораздо реже, чем в дождь.

В «Ноготке» было пусто. Римма уехала к поставщикам, второй мастер, Верочка, отпросилась пораньше, и Анна сидела в одиночестве, разглядывая витрину с лаками. Она уже собиралась закрываться, когда звякнул колокольчик на двери. В салон вошёл мужчина.

Анна подняла глаза и замерла. Мужчины в «Ноготок» заходили редко, обычно это были курьеры, мужья, ожидающие жён, или заблудившиеся представители сильного пола, которые спрашивали, где тут ближайший магазин. Но этот явно пришёл именно в салон. И он был... ну, скажем так, крайне необычным посетителем для места, где девяносто девять процентов клиентов женщины от восемнадцати до семидесяти.

Это был высокий, худощавый мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, с седыми висками и длинными ухоженными пальцами, которые он нервно сплетал и расплетал, стоя на

пороге. Одет он был в тёмно-синее пальто, явно дорогое, и длинный шарф, повязанный каким-то замысловатым узлом. На носу сидели очки в тонкой золотой оправе. Он был похож на профессора консерватории из старого советского фильма. Такие фильмы Анна часто смотрела в детстве с бабушкой, в них прекрасные дамы в шляпках непременно влюблялись в интеллигентных музыкантов с печальными глазами.

— Здравствуйте, — сказал мужчина голосом, который оказался именно таким, как Анна и ожидала: мягким, баритональным, с лёгкой хрипотцой. — Я... э-э-э... Вы делаете маникюр?

Анна моргнула, почему-то оробев.

— Вообще-то делаем, — сказала она. — Женский. В основном. То есть — всем делаем, просто обычно приходят женщины. А вам — классический? С покрытием?

— Да, пожалуйста, — сказал мужчина, и его лицо озарила такая откровенная, искренняя благодарность, что Анна на секунду забыла, где находится. — Гигиенический. Без покрытия, если можно. Просто привести в порядок.

— Конечно, — Анна махнула рукой в сторону кресла. — Проходите, садитесь. Я сейчас всё подготовлю.

Мужчина снял пальто и аккуратно повесил его на вешалку у входа. Под пальто обнаружился тёмно-серый свитер крупной вязки и классические брюки со стрелками. Выглядел он очень презентабельно. Он сел в кресло, положил руки на стол и посмотрел на Анну поверх очков. Глаза у него были

серые, с лёгким прищуром, как у человека, который много читает при плохом освещении.

— Меня зовут Михаил, — сказал он. — Михаил Аркадьевич. Но можно просто Михаил. Без отчества.

— Анна, — сказала Анна. — Сергеевна. Но можно просто Аня.

Они посмотрели друг на друга и оба почему-то улыбнулись.

Анна взяла его правую руку и начала осмотр. Руки действительно были удивительные. Длинные, изящные пальцы с аккуратными ногтями, без заусенцев. Видно было, что человек следит за руками, но профессионального маникюра явно не делал давно.

— Вы... музыкант? — спросила Анна, проводя пилочкой по краю ногтя.

Михаил оживился.

— Да! А как вы догадались?

— У вас руки пианиста. Я такие видела только у одного человека — у нашего преподавателя по анатомии в медицинском институте. Он тоже был пианистом-любителем. Пальцы... характерные.

Михаил улыбнулся ещё шире, и на его щеках проступил лёгкий румянец. Это было так неожиданно, видеть, как взрослый солидный мужчина краснеет от комплимента, что Анна сама смутилась.

— Да, я пианист, — сказал он. — Преподаю в консерва-

тории и иногда даю концерты. Руки у меня всегда на виду, поэтому приходится следить за ними особенно тщательно.

— А почему раньше не делали маникюр? — спросила Анна, переходя ко второй руке.

— Делал, — Михаил вздохнул. — В салоне у театра. Но я недавно переехал в этот район, а ездить в центр каждый раз... лень, честно говоря. Искал что-то поближе. Зашёл сюда. И, кажется, мне повезло.

Последняя фраза была сказана с таким искренним теплом, что Анна едва не выронила пилку.

— Спасибо, — пробормотала она и сосредоточилась на работе.

Она делала маникюр молча, тщательно, стараясь не думать о том, что этот странный, красивый, интеллигентный мужчина каким-то образом за десять минут умудрился выбить её из колеи. Из колеи, по которой она последние несколько лет упорно движется, как вагонетка на заброшенных рельсах.

Михаил тоже молчал, но это было не напряжённое молчание, а какое-то... уютное. Он смотрел на её руки, на то, как она работает, и иногда переводил взгляд на лицо Анны, и в этом взгляде было что-то такое, чего Анна уже давно не замечала во взглядах других мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.